

Многолетняя боль крымчан в их оторванности от исторической Родины — России достигла наибольшего напряжения в феврале 2014 года во время известных киевских событий. 23 февраля в Севастополе и 26 февраля в Симферополе — пики наивысшего подъема народного духа — превратили эту боль в решимость стоять за свои унаследованные от предков идеалы, святыни и национальные ценности до конца. В эти дни Господь проверил каждого из нас, открыл и нам самим, и Украине, и России, и всему миру наше глубинное, неподдельное, внутреннее, хранящееся неизменно в душе и на генетическом уровне, чувство любви к Отечеству. И проявилось, высветилось важное: при всей пестроте нашей за двадцать три года расслоившейся по степени достатка внешней жизни, при очевидной разности мы остались едины в главном — в желании вернуться на Родину.

23–26 февраля — дни самоорганизации русских крымчан с целью оборонять Крым от фашизма до конца. В эти четыре дня возникло народное ополчение, в Севастополе поменяли мэра, были оборудованы блокпосты на въездах в Крым с материка и на крымских дорогах. Мужчины заняли оборону, женщины привозили им горячую пищу... «Живые щиты» охраняли расположения беркутовцев, оставшихся верными законной власти. Люди рассчитывали только на свои силы, еще не смели надеяться на помощь из Москвы: «вежливые люди» пришли на помощь русскому сопротивлению только в ночь на 27 февраля, то есть, после появления в Крыму первых жертв и раненых.

Лицом к лицу: Симферополь 26 февраля 2014 года

Когда я бываю в Петербурге, Иркутске, Москве, меня нередко спрашивают о настроениях крымских татар. И я всегда отвечаю, что крымские татары — люди, вызывающие глубокое уважение своим трудолюбием, настоящим, а не лозунговым братолюбием по отношению друг к другу, трезвым образом жизни. Но исторические обиды советского периода еще не изгладились из памяти их сердец, поэтому есть и напряженность, есть и эмоциональные реакции по отношению к русским. Особенно это проявилось в дни киевского переворота, когда решалась судьба Крыма.

Так получилось, что 26 февраля, в день, ставший в истории Крыма переломным, я сама и несколько близких мне людей оказались в гуще событий, происходивших перед зданием теперь уже бывшей Верховной Рады в Симферополе. Расскажу все по порядку. Утром 26 февраля 2014 года я не знала, что на этот день в Симферополе у Верховной Рады Крыма запланировано два митинга — на 12-00 крымско-татарский за сохранение единства Украины и на 14-00 русский — за единство с Россией. Я ехала по своим делам в управление Крымской епархии. Выйдя на остановке у здания медучилища рядом с Верховной Радой около 11-00, увидела, что площадь перед зданием Рады запружена татарами, в основном мужчинами, скандирующими лозунги: «слава Украины», «гэроям слава!», «банду гэть!»... Крики чередовались с массовым свистом.

По кромке многотысячной толпы со стороны улицы Жуковского стояла пока еще небольшая группа русских, крики которых тонули в многоголосом реве татар. Расспросив о происходящем и узнав, что наши начнут собираться на митинг лишь через три часа, и заподозрив неладное, я решила изменить свои планы и войти во двор здания Верховной Рады. Подумалось о том, что такое скопление агрессивно настроенных людей может закончиться попыткой штурма здания и его разорением, что уже произошло в Киеве. Поэтому естественно возникло желание увидеть здание целым, так как с ним у меня связано несколько добрых воспоминаний.

Через кричащую толпу я вошла во двор-колодец, площадь которого на вид — не более 100 квадратных метров, хотя я здесь могу и ошибиться. Во дворе были журналисты, активно бравшие интервью, в том числе и на иностранных языках. Влево от входа в Верховную Раду, если стоять к нему лицом, располагалась цепочкой и группа русских мужчин, человек 200-300, в гражданской одежде, без защитных средств, с пустыми руками. Как я узнала, подойдя к ним, — это были добровольцы, пришедшие охранять здание от возможного нападения. Среди них оказался и мой сын. Он попросил меня срочно уйти со двора Рады. Упускаю здесь чувства и мысли, пережитые мною в тот момент. Я знала, что 23 февраля Роман записался в Народное ополчение Крыма, но одно дело знать, а другое — увидеть его своими глазами перед разогреваемой ненавистью толпой.

Вдруг татары (они были в это время еще за пределами двора) стали молиться, что заставило меня повернуться в их сторону. Теперь я стояла спиной к зданию Верховной Рады, но еще во дворе, недалеко от выхода из него. Я увидела татар, повернутых лицом на восток и развернувших ладони вверх чуть выше пояса. Над площадью стоял ровный гул мусульманской молитвы. Неподалеку от меня находилась рядом с татарами группа милиционеров, человек 20, без защитных средств, в форме патрулирования. Милиционеры стояли кружком, спиной ко всем, не реагируя на происходящее.

Моление продолжалось несколько минут. В это время со двора стали быстро расходиться журналисты и операторы. У меня сложилось впечатление, что они знали сценарий, и очень торопились: мимо быстро прошла англоговорящая журналистка, буквально толкающая в рюкзак идущего впереди нее оператора. Как только завершилась молитва, татары резко повернулись лицом к Верховной Раде и лавиной двинулись во двор. Я попыталась пройти через них наискосок в ту сторону, где можно было ближе всего выйти на улицу Жуковского, на которой стояли русские, но оказалась внутри татарской толпы. Передние из них, видимо, уже остановились, а задние продолжали напирать, и буквально через несколько секунд я была зажата плотной массой молодых татар, причем давление с каждым мгновением нарастало и очень быстро стало невыносимым. Я пыталась говорить с ними, кричала: «Как вам не стыдно», на что один из них ответил: «Нам не стыдно», а давление все нарастало.

Вскоре я почувствовала, что мне становится плохо, подкатила дурнота. В это время несколько окружавших меня татар, не готовые, видимо, меня задавить, или уронить себе под ноги, стали кричать своим: «Шаг назад, здесь женщины!». Но из-за гула на площади их слышали далеко не сразу. В общей сложности в этом нарастающем сдавливании я провела минут пять и была уже на грани потери сознания, как, наконец, задние отошли на шаг и появилась возможность протиснуться вперед. Как оказалось, в этот поток попала не одна я, а еще несколько женщин. Татары буквально протолкнули меня к «коридору» внутри своей лавины, по ко-

тому я не сразу смогла идти, так как навстречу мне по этому коридору спокойно шла шеренга милиционеров, направляясь ко входу в Верховную Раду Крыма (именно их до этого я видела на площади).

Пропустив милицию, пошатываясь, с тахикардией, я вышла за пределы двора. Постояла немного, пришла в себя и, окинув взглядом происходящее, подумала, что когда русские придут на свой митинг к двум часам дня, здесь уже все будет кончено. По моим прикидкам, татар было на площади тысяч восемь-десять. Среди них были и украинские националисты, а также несколько человек в черных масках, известных под названием «балаклава». Обстоятельства личного характера, интерес историка и патриотический настрой заставили меня остаться на площади и следить за происходящим.

Татары занимали всю площадь перед Верховной Радой. Площадь неровная, плавным каскадом спускается от здания к парку Победы, так что образует 3–4 террасы, переход с одного уровня на другой. В центре парка достраивался восстанавливаемый собор Александра Невского (историческое здание взорвано в 30-е годы при атеистическом режиме).

Когда стоишь на нижних уровнях, происходящее во дворе не видно — видишь только спины тех, кто нажимает на впереди стоящих, впредссывая во двор все новых и новых людей. Я поняла, что этот «пресс» направлен в первую очередь на ту горстку русских парней и мужчин, которые остались во дворе. Звать на помощь было некого. На крики «Россия», доносившиеся от небольшой группы людей с российскими флагами, татары откровенно откликались смехом, выкрикивая свое. Некоторые тихо добавляли для своего кружка: «Слава татарам». Возле площади со стороны улицы Жуковского дежурили «скорые». Было 11-30, когда, не зная, что предпринять, я решила пойти и купить воды на тот случай, если кому-то из наших удастся вырваться со двора, — хотя бы дать им попить. Купила в ближайшем гастрономе несколько литровых бутылок негазированной воды, после чего вызвонила подругу, объяснив ей, что прийти на площадь надо сейчас, а не к двум часам, как она собиралась.

Мы встретились, и я ей рассказала, что там, внутри двора, зажали русских. Выслав несколько смс родным и друзьям с просьбой о молитвах, сообщила им, что нас мало. В это время мобильная связь еще была. Ее подавили позднее, ровно в 14-00, когда сошлись русские на свой мирный митинг.

Но вернемся к митингующим русским, среди которых немало было и украинцев, тяготеющих к России. Им, начавшим собираться к 14-00, пришлось стоять только по внешнему периметру площади, так как собственно площадь была уже занята. О том, что наши ребята во дворе под ударом татар, мало кто из них знал. Митингующие стояли группами и скандировали: «Севастополь — Крым — Россия», «Россия» и т. д., размахивая многочисленными флагами России и Крыма. Мои попытки обратиться к русским мужчинам и объяснить, что во дворе наши гражданские ребята, воспринимались ими с недоверием. Это потом, уже вечером, всё показали по телевизору. А в тот момент, когда на мои просьбы не реагировали, в миг почти отчаяния, я вдруг испытала какой-то катарсис и стала готова к любому исходу: к тому, что могу увидеть русских, оставшихся возле Верховной Рады, затоптанными или растерзанными; к тому, что и сама я могу быть задавлена в такой давке, если снова попаду в кольцо татар... Я почувствовала свою человеческую немощь, полную незащищенность, но и вместе с тем великое упование на помощь Божию. И я точно знала, что как бы ни стали развиваться здесь события,

я с площади не уйду. И вдруг в моем сердце возникло чувство необъяснимого спокойного мужества. Не осталось ни страха, ни тревоги, ни волнения, ни эмоциональных реакций — тишина души. Возникла потребность молиться, и мы с подругой стали молиться.

Перевесив свои объемные дамские сумки наперед, с полными пакетами в руках, мы стояли в толпе татар и пели «Господи Сил, с нами буди, иного бо разве Тебе Бога не знаем». Время от времени эту молитву заменяли краткой «Яко с нами Бог». Длинные молитвы в такой ситуации, как оказалось, невозможны, по крайней мере, для меня. Когда мы запели молитвы вслух, громко, татары стали оглядываться на нас и от нас отходить. Некоторые вслушивались, пытались разобрать слова, которые мы пропеваем. Другие испепеляли нас взглядами, но нам было уже легко не отводить глаз: слишком многое лежало на весах.

Так постояв на одном месте минут двадцать, мы пошли с пением между татарами, переходя с одной террасы на другую и приближаясь ко входу во двор Верховной Рады (это было еще в 13 часов). Многие из татар от нас резко отходили, с опаской поглядывая на наши сумки, висевшие спереди. По их лицам было видно, что они насторожены, им было непонятно, кто мы, что делаем в их толпе, что за молитвы поем. Продвигаясь, мы дошли до проемов, через которые можно было протиснуться во двор. По левой руке вдоль стены татары стояли не так плотно, как в центре двора, и мы, увидев стоящих на пороге милиционеров, стали продвигаться к ним по внешней — разреженной — части татарской толпы. Почти весь двор был забит татарами, напирающими на своих, стоящих перед ними. Кто внутри этой толпы, рассмотреть было уже невозможно. Но мы знали точно, что там — наши, взятые в окружение. Установленные над козырьком входа кинокамеры снимали происходящее сверху. Потом эти кадры обошли весь мир.

Дойдя до милиционеров, я стала спрашивать, где русские парни, стоявшие во дворе с утра? Милиционеры сначала говорили, что не понимают, о чем я спрашиваю, потом стали говорить, что они только заступили на смену, потом один переспросил: «Это футбольные фанаты, что ли? Да их отсюда оттеснили, и они вышли через двор на улицу Жуковского. Ищите их там». Я попыталась объяснить, что они не выходили, они здесь, им надо помочь, но наткнулась на полное равнодушие в глазах стражей порядка. Мы направились к выходу со двора, протискиваясь вдоль стены уже со стороны Жуковского. Один паренек-татарин, глядя мне в глаза с тревогой, сказал: «Уходите отсюда, здесь будет очень плохо».

Оказавшись снова на площади, я подумала тогда о том, что если такие страсти сохранятся до темноты, то может произойти настоящая кровавая бойня. Мои опасения особенно усилились, когда была заглушена мобильная связь. У меня с собой было три телефона: один номер для связи по Крыму — Украине и два — с Россией (разных операторов). Все мои телефоны были заблокированы, как, думаю, и у всех на площади. Не знаю, кто подавлял связь в широком диапазоне, но ее не было и в 300 метрах от Верховной Рады, когда я отходила на такое расстояние позже, около 17 часов.

Мы продолжали ходить с пением молитв среди татар уже вне двора, там, где они просто стояли, тоже наблюдая за происходящим и ожидая своей очереди сместить уставших соплеменников во дворе. Но не только с этой целью. У них были свои ответственные люди, стоявшие на пилонах клумб, то есть на возвышенности. Время от времени, заметные со всех сторон, они подавали знаки руками, и кажущаяся толпой масса татар вдруг оказывалась довольно организованной и

начинала перестраиваться, продвигаясь вперед, к Верховной Раде. В этой части площади — между двором и сквером Победы — работали и журналисты. Татары поглядывали на двух молившихся женщин явно недружелюбно, но на открытом пространстве, при большом скоплении журналистов нас не задевали — их митинг, как и митинг русских, был заявлен мирным.

Через некоторое время с крыши собора Александра Невского в громкоговоритель стали звучать призывы к примирению, к необходимости разойтись. Запели и песни о Родине, их слова в общем гуле противостоящих сторон было невозможно расслышать, и они воспринимались отвлеченно. Мои мысли были только об одном: что с нашими ребятами во дворе Верховной Рады? Там во дворе, по мере собирания русских, уже появились с одного края и развевающиеся флаги России, туда пробилась и часть митингующих русских. Как я потом узнала, всего во дворе оказалось человек семьсот, но непосредственно давление татар сдерживали человек триста, остальные, в большинстве своем женщины и пенсионеры, находясь на возвышении у стены здания, скандировали и махали флагами, поддерживая державших оборону морально.

Среди митингующих татар ходили люди, распоряжающиеся их действиями, отдававшие им указания. Я невольно услышала, как один из них сказал, что когда станут кричать «коридор-коридор», коридора не давать, а, наоборот, начинать жать на левый край, чтобы не дать возможности вынести пострадавших к машинам скорой помощи на улице Жуковского. Я снова пыталась обратиться к русским мужчинам, призывая их пойти к нашим на прорыв, но меня снова не понимали, мне не верили, хотя вокруг площади уже собралось несколько тысяч наших. Мы с подругой немного постояли с пением молитв и среди наших митингующих. Услышав от группки женщин о намерении уходить с митинга, я стала просить их не делать этого, так как во дворе остались наши ребята. Не знаю, услышали ли они меня. Моя подруга слышала, как одна женщина лет сорока сказала другой: «Лучше я умру на этой площади, но к татарам в рабство не пойду».

Ближе к четырем дня мы увидели через проемы входа, что во дворе полетели бутылки с водой, которые татары все это время держали по одной под мышками (я-то думала, что для питья), затем раздался взрыв, словно взрывпакета. Взрыв был единичным. А потом в воздухе стали разлетаться и мелкие предметы. Как потом я узнала, это были газовые баллончики, которыми забрасывали русскую дружину. Уже после митингов выяснилось, что некоторым из наших ребят удавалось меняться, уходя на дальний план и прорываясь через толпу татар. Но отдельные дружинники простояли, сдерживая напирающих, несколько часов без смены, в то время как татары в своем натиске менялись перед ними до десяти раз. Мой сын сменился около четырех часов дня, о чем я узнала уже после митинга.

Наконец, стали кричать в громкоговоритель: «Коридор-коридор, людям плохо», и толпа татарского натиска стала действовать в соответствии с полученными ранее указаниями, надавливая на левый край, не давая возможности выносить пострадавших к скорым. Продолжая непрерывно петь молитвы, мы с подругой перешли к машинам. Здесь уже был парень, сидевший прямо на земле в полуобморочном состоянии. Я подала ему бутылку воды. Другому защитнику Верховной Рады молоденькая медсестра в машине скорой помощи делала укол в вену.

Крик «Коридор-коридор» переходил чуть ли не в истерический, татары продолжали нажимать, к скорым с прорывом выносили или приводили все новых и новых пострадавших. Я видела, как грузили в машину пожилого человека, умер-

шего от сердечного приступа, как принесли мужчину с затоптанными штанинами, как привели русского с окровавленной головой... Среди татар тоже были пострадавшие из-за сильного сжатия в их авангарде.

Мы снова вернулись в толпу татар, стоявшую на периферии, ближе к скверу Победы. К этому времени у нас в руках уже были иконки, а на груди — Георгиевские ленточки, вынутые из наших сумок. Продолжая петь и стоя почти у внешнего края *их* толпы, я услышала за спиной резкий мужской смех. Оглянувшись, увидела группу парней борцовского типа и среди них молодого татарина богатырского сложения, успев перехватить его жест, словно он ударяет кого-то головами друг о друга. Жест явно относился к нам. Я посмотрела парню в глаза и отвернулась. Он сразу подошел к нам, и стал резко спрашивать, что мы здесь делаем, за кого мы и с кем мы. На эти вопросы я ему ответила: «Давай поговорим не обо всех, а о тебе и обо мне. У тебя есть мать, а у меня есть сын. И у меня в груди, как и у твоей матери, — материнское сердце. Ты живешь в Крыму, и мой сын живет в Крыму. И я хочу, чтобы вы между собой были добрыми соседями. Поэтому я здесь, и об этом я сейчас молюсь. Ты понял?». Он сразу как-то обмяк, даже, я бы сказала, подобрел и отошел от нас.

Когда мы ходили среди татар с пением молитв, на нас наткнулись тележурналисты. Я сначала подумала, что они хотят взять интервью, но ведущий только попросил: «Продолжайте петь». Оператор снял сначала нас, потом иконочки крупным планом. Когда они собрались уходить, я спросила у журналиста, откуда они. «Из Грузии», — последовал ответ. Тогда я спросила его: «Вы православный?». Он ответил: «Да». «Я тоже православная, и прошу вас, говорите правду!» — обратилась я к нему, объяснив, откуда я, и кто. Он кивнул, и ушел в толпу вместе с оператором.

Вскоре было объявлено, что стороны достигли договоренности о перемирии, и поэтому надо расходиться. Татары стали освобождать площадь, за ними потянулись русские. В это время блокировка связи была снята, и телефоны заработали. Мы нашли тех русских, которые держали оборону во дворе Верховной Рады, и которых я назвала «триста спартанцев». Среди них был и Роман. Мы бросились друг к другу, словно не виделись много лет. Но тут же он сказал: «Мать, ты что здесь делаешь? А ну марш отсюда!», — и ушел обратно к ополченцам.

От тех, кому удалось остаться без явных травм, мы узнали, как развивались события на последней стадии противостояния. Когда появились пострадавшие, татары оттеснили русских ко входу в здание Верховной Рады. Положение наших оказалось критическим, но изнутри дверь открыли, чтобы их впустить. Внутри, в холле, стояли люди со щитами и в шлемах, с боевым оружием в руках, которые пропустили русских через ход в противоположной стене здания, а татар задержали. Татары, выкрикнув свои требования, всё поняли: захватить Верховную Раду им не дадут, и оставили здание. Именно после этого митинги объявили закрытыми, и люди стали расходиться. Мы, русские, с четким пониманием: на этот раз, слава Богу, националисты не прошли.

С сыном мы встретились уже вечером дома, обсудили события дня. «Потолкались немного», — только и сказал он. Вечером я стала читать сообщения украинских СМИ в интернете о случившихся событиях. Соотношение правдивой информации по отношению к ложной — 1 к 4! Это была настоящая информационная война с задачей не только сбить людей с толку, но и полностью их дезинформировать, довести до психического расстройства.

А утром мы узнали, что отряды самообороны заняли административные здания в Симферополе, и поэтому центр города был оцеплен милицией: по нему был запрещен проход и проезд. Теперь уже все знают, что это были «вежливые люди». Еще через день я увидела «вежливых людей» в военной форме в аэропорту. Перед ними редкой цепью стояли безоружные гражданские лица из Народного ополчения. У каждого на груди цвела геройская Георгиевская ленточка.

Русская весна: история из моей жизни

В 1991 году украинское гражданство досталось мне, как и всем крымчанам, автоматически. Политические границы между бывшими республиками Советского Союза воспринимались мною с самого начала нашего сиротства как временные декорации какого-то миражного театрального действия. Свое несогласие с таким насилием над моим чувством Родины, вмещавшим Россию в ее прежних имперских просторах, частью которых была и Украина — моя естественная малая родина, — я выразила в том, что не стала получать украинский паспорт. Так и жила с советским. С тем, полученным еще в 1970-х годах паспортом, ставшим для меня в 90-е годы символом единства страны, в которой я родилась и в которой продолжала жить — в своем сердце. И когда на рубеже столетий-тысячелетий я вынуждена была по семейным обстоятельствам уехать жить в Ленинградскую область, в зону притяжения Петербурга, то именно с этим паспортом выбралась за пределы «комиксов искусственных границ».

В состоянии, когда «По сердцу промчался поезд / И как я осталась жить?», разлученная с сыном ради мамы, я прожила в пригороде Петербурга более двенадцати лет. На новом месте в России, не раз и не два столкнувшись с тем, что «материковые русские не понимают меня» в моей боли о Крыме, я через несколько лет после ухода мамы стала подумывать о возвращении домой, где оставался мой сын, не собиравшийся покидать родную крымскую землю. Когда в 2012 году я написала строки «Как в бомбежку раненая мамка / У черты рубежной Русь лежит», и меня никто из моего окружения в Петербурге не понял, стало очевидным, что пришла пора быть там, где у меня хотя бы в этом вопросе есть единомышленники. Задавая своим спутникам по российской жизни, в то время в большинстве своем равнодушным к земле таврической, риторический вопрос «...Но кости ваших дедов и отцов, / в Крыму погибших, на кого оставить?», я стала продумывать конкретные шаги по своему переселению.

На деле оказалось, что вернуться назад, в Крым, было не так просто. Номинально я оставалась гражданкой Украины, а значит, если хотела оказаться дома легким путем, должна была выйти из российского гражданства. Но простаться с российским гражданством я не могла: мне было необходимо оставаться в нем во что бы то ни стало — по внутренней принадлежности к Русскому миру и к великому русскому языку. Оставалось получение вида на жительство. В свою очередь, чтобы обитать в Крыму с видом на жительство, мне надо было выйти из гражданства Украины. А дело это по украинским законам затяжное, которое можно было осуществить только через украинские консульства за пределами Украины. В моем случае это консульство в Санкт-Петербурге. Да и указы о выходе из гражданства президент Украины подписывал, как говорили знающие люди, только два раза в год.

Собрав необходимые документы и сдав их в консулу в конце 2012 или начале 2013 года, я стала заниматься переездом в Севастополь (продажа-покупка жилья) и ждать, когда президент Украины издаст указ о моем выходе из украинского гражданства. За этими хлопотами и ожиданиями прошел 2013 год. На мои звонки из Крыма в консульство Петербурга я неизменно получала ответ, что из Киева решение еще не пришло.

Дни февральского переворота в Киеве застали меня в Крыму, где я уже устранилась в новой квартире, еще оставаясь прописанной в России, что было необходимым условием для получения вида на жительство по законам Украины. Окунувшись в водоворот крымских событий 26 февраля у здания Верховной Рады в Симферополе, поняла, что мне надо спешить — ситуация с моим официальным положением становилась непредсказуемой: с новой властью и консулов могут сменить, и документы могут затеряться... Для себя решила, что какой бы ни была судьба Крыма — буду с ним.

Дозвонившись в очередной раз в консульство, узнала, что указ о моем выходе из украинского гражданства президентом В. Януковичем был подписан несколько месяцев назад, что документ пришел с дипломатической почтой в консульство, и полагающаяся мне об этом справка уже выслана по месту прописки в Ленинградской области. С одной стороны, я порадовалась, что дело решено, а с другой — справка не приходила! Мне об этом сообщили доверенные люди с места моей прописки. В ходе разбора ситуации в телефонном режиме выяснилось, что справку в консульстве мне могут продублировать, если я еще раз оплачу консульский сбор. Конечно оплачу! Какой вопрос? — я соглашалась на все условия.

По телефону записалась на консульский прием на 4 марта. Билет на самолет был куплен на 1 марта. Уезжать из Крыма предполагала всего на пять-шесть дней, а потому собралась только с пакетом, даже не с дорожной сумкой.

Кто в Крыму сегодня не помнит, что первого марта НЕБО НАД СИМФЕРОПОЛЕМ ЗАКРЫЛИ? Это для меня было настоящим ударом! Срочно отказавшись (а если и завтра небо закроют?!) от билета на самолет Аэрофлота, предлагавшего регистрацию на следующий день, переехала на железнодорожный вокзал Симферополя и уже в одиннадцать утра выехала в Москву поездом. В это время мои московские друзья заказали для меня на второе марта билет на самолет Москва — Петербург. В столице меня встретили, перевезли в аэропорт, уже через полчаса я вылетела на Питер и долетела до Пулково без задержек. В городе на Неве у родственников не могла оторваться от телевизора, следя за крымскими событиями. Как не следить?! Сын в Народном ополчении... Третье марта пережила трудно, не отходя от телевизора сутки.

Четвертого марта, заплатив консульский сбор в банке на Фурштадтской улице, я прошла через Таврический сад (!), добралась до украинского консульства на Бонч-Бруевича, где с нетерпением дожидалась своей очереди на вход в тамбур, из которого посетители общаются с консулом через стекло. Людей было много, в основном тех, кто уже не первый год живет в России, но документы пока не выправил. Чувствовалось волнение, никто не мог представить, чем для них могут закончиться перемены в Киеве. Видела, что мне повезло больше других — документы на меня уже пришли.

К счастью, консул оказался прежним, и я без препятствий получила долгожданную справку о моем выходе из украинского гражданства. Взяв стандартный листок формата А 4 в руки, не знала, к добру этот документ или нет. Смотрела на

официальный бланк с двумя строчками текста, задавая себе вопросы: какова будет судьба Крыма? чьим будет он? что будет с его населением, не принимающим киевскую власть, если «коричневые» дорвутся в Крыму до власти? смогу ли я жить в Севастополе, или меня вышвырнут за пределы полуострова?..

Выехать назад, домой, в Крым, намеревалась уже на следующий день, хотя права голосовать на референдуме, конечно, не имела, еще оставаясь прописанной в России. Однако напряжение последних недель дало о себе знать, и к вечеру консульского дня болезнь уложила меня в постель. Да и сын категорически запретил мне возвращаться в Крым до референдума — мол, пользы от тебя никакой, а еще за тебя переживай, ведь дома не усидишь... Болезнь и родня смирили меня, и все главные события Русской весны я увидела на телеэкране. В феврале и марте 2014 года я молилась и полагала земные поклоны с таким сердечным порывом, верой и упованием на Бога, каких не испытывала уж давно.

Слезы радости за Крым и досады, что я не там, не в Крыму, не со всеми, превратили мои дни в переменный плач. Правда, за это время я успела написать наброски о событиях на Украине и в Крыму «Коррупция — порох революции» (о противостоянии у Верховной Рады 26 февраля), опубликованные в газете «Православный Санкт-Петербург» уже в марте.

Обратный билет на самолет я купила на 22 марта, как только прошли главные правительственные процедуры в Москве по присоединению Крыма к России. А 20 марта с дерзновением обратилась в паспортный стол, чтобы в тот же день выписаться в Севастополь. Надо было видеть лицо паспортистки, когда я подала документы и попросила выписать меня в Севастополь сегодня! Слово «Севастополь» оказалось волшебным — через полтора часа (а не через неделю, как полагается) я держала в руках листок выбытия в город-герой и свой российский паспорт со штампом о выписке. Не сомневаюсь, что я была одной из первых в материковой России, из выписавшихся в Крым в те дни.

Из России я возвращалась... в Россию. Это был один из счастливейших моментов моей жизни! Такой развязки своей затяжной истории с возвращением в Крым я не могла себе представить в самой фантастической мечте! Собираясь из Ленобласти в Крым в 2012 году, предполагала, что буду жить замкнутой жизнью в украинском захолустье, а оказалось, что Крым, взорвавшийся патриотическими чувствами, поднял на дыбы и всю Россию, разбудил ее от спячки, дал вспомнить, что значит любить свою Родину, и в результате превратился в оживленный перекресток российской жизни.

Я счастлива, что вернулась домой — дважды: в Крым и в Россию. Это настоящий дар Свыше, за который буду благодарить Бога всю жизнь.

В июле 2014 года я побывала в Иркутске. Мой друг, не видевший меня два года, сказал:

— У тебя выражение глаз, будто ты вернулась с войны.

— А я и в самом деле вернулась с войны. И это не преувеличение.

Много месяцев спустя, когда мы с сыном вспоминали февраль—март 2014 года, он мне признался:

— Знаешь, мама, а я ведь только в эти месяцы и жил по-настоящему. И благодарю Бога, что никого не убил, не искалечил, хотя пришлось побывать в разных переделках. Это чудо, что Крым вернулся в Россию без войны.

«Я горжусь, что мой сын награжден / за защиту спасенного Крыма», — написала я в одном из своих стихотворений о Крымской весне.